

В семантической структуре лексем *лужа* и *грязь* признак 'причина образования' может быть представлен семей 'дождь'. Ассоциативно-семантическая связь рефлексом данной зоны как с непосредственной, так и с "исходной" кауземой подтверждается на уровне текста: "*Весной ведро воды – ложка грязи; осенью ложка воды – ведро грязи*" /Пословица/, "... *Кокосцев был выпушен из тюрьмы осенью... и, шлепая по лужам, сильно озяб, пока под дождем пешком добирался до своего дома*" /В. Пикуль/, "*Но в осеннюю слякоть В засасывающий дождь В широкие двери рабфака Спешит молодежь*" /М. Светлов/.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило возможность существования такого типа парадигм, как ассоциативно-семантическая группа и ассоциативно-семантический комплекс. Перспективу исследования составляет изучение роли слов одного АСК в организации художественного текста.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: "Русский язык". – 1983. – 269 с.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 208 с.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 355 с.
4. Клименко А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. Автореф. дис. ... докт. фил. наук. – Минск, 1980.
5. Рогожникова Т. М. Ассоциативная структура значения слова и процесс понимания текста // Психолингвистические проблемы семантики / Сб. науч. трудов. А. А.Залевская (Отв.ред.) – Калининский гос.ун-т, Тверь. – 1990. С. 96-100.

Примечания

¹С целью подчеркнуть собственно лингвистический (а не психолингвистический) подход к анализу данной группы слов, считаем целесообразным отказаться от терминологии, принятой в психологии и психолингвистике при изучении ассоциаций. Для обозначения слова, выполняющего роль стимула (ассоцианта) в ассоциативном эксперименте, в нашей работе используется термин *каузема* (от лат. causa – причина). Слова-реакции, или ассоциаты (в терминологии психолингвистов), семантически связанные с кауземой, обозначаются словом *рефлексема* (от лат. reflexus – "отражение, следствие чего-н").

Смирнова Е. А.

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЯ ТЯПИНСКОГО В СРАВНЕНИИ С ЯЗЫКОМ ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ

Цель данного исследования – изучение «простой мовы», письменного языка Литовской Руси конца 16 – начала 17 века, в частности описание его морфолого-синтаксического строя в сравнении с церковнославянским языком Острожской Библии 1581 года.

Издание Тяпинского состоит из церковнославянского обычного текста Евангелия и из параллельно с ним оттиснутого западно-русского перевода. Издать текст целиком он не успел: в Российской национальной библиотеке хранится один из двух сохранившихся экземпляров, состоящий из Евангелия от Матфея и начала Евангелия от Марка. Так как в дальнейшем мы планируем сравнивать данное Евангелие с другими, также написанными на «простой мове», для изучения было выбрано Евангелие от Матфея, напечатанное целиком.

Василий Тяпинский не только переводчик Евангелия, но и деятельный член сочинанской секты; его предисловие к Евангелию представляет собою весьма видный памятник политической литературы того времени. Он был единомышленником и сподвижником Симона Будного, белорусского реформатора и переводчика Библии на польский язык. В организованной им в Несвиже типографии Будный издал собственный перевод Библии с еврейского языка на польский («*Budny Biblia*», Nieswicz, 1572). Это издание и послужило оригиналом для перевода Евангелия В. Тяпинского около 1580 г. на "простой язык", или «просту мову».

Для выявления синтаксических особенностей «простой мовы» текст Евангелия Тяпинского сравнивался с церковнославянским текстом Евангелия от Матфея Острожской Библии (ОБ), изданной в 1581 г. Для анализа польских заимствований на синтаксическом уровне использовался текст Гданьской Библии (ГБ), впервые изданной в 1606-1632 гг. Что касается греческого источника, использовался «Эльзевировский» текст Нового Завета — текст семи изданий семьи Эльзевиров (1624-1678) [1].

Сочинительные связи в Евангелии Тяпинского в основном представляют интерес с точки зрения происхождения союзов. В тексте в большом количестве используются сочинительные союзы малороссийского происхождения: **або** (*или*), **але** (*а, но*) — эти союзы сохраняются и в современном украинском языке. Но особый интерес вызывает союз **лечь**. В словаре малороссийского языка (рукопись «Синонима словеноросская», переплетенная в одну книгу с грамматикой Мелетия Смотрицкого 1619 г.) это слово имеет перевод *же*, то есть трактуется как частица. Однако, судя по контекстам употребления (всегда в начале предложения) и по параллельным местам в польском издании Евангелия, в данном случае, скорее всего это всё-таки противительный союз. По-видимому, в большинстве случаев Тяпинский при переводе, сверяясь с польским источником, использовал вместо противительного союза *ale* (*а, но*) союз с тем же значением *lecz* (в славянской транслитерации: **лечь**): **Лечь** **иоан заборо-л ема, мовечия потребу** **штебе креститис, а ты идешь комне** (Мат. 3:14) — *Але му θαν βαρδζο ζαβρανιαε, μ ιω≠χ: θα ποτρζεβυφ , αβψμ βψε οχηρζχζονψ од χιεβие, α τυ ιδζειεσζ до мние?* (ГБ) — **Иоанн же взбран-ше ем' глК-** **азь треб'ю тобою крТ;титис, итыли гр-деши кьмн'у** (ОБ) — *f δε (же, а, но) ιω=ννη διεκ9λυεν ατ4ν, λ1γων, Ευ™ χρεφαν Υχω 7π4 σοε βαπτισθ|ναι, -καθ σς ερχν пр4~ μ1,;* а в некоторых случаях произошла транслитерация в чистом виде: **Мовиль имь• ижь моисей про тьвердосьть сердца вашого, велель вамъ опущати жоны ваши• д'учь спочатку не было такъ** (Мат. 19:8) — *Rzekł im; Mojżesz dla zatwardzenia serca waszego dopuścił wam, opuścić żony wasze, lecz z początku nie było tak* (ГБ) — **глКа имь, яко мовсий пожестосрьд'юо вашем' повел'у вамъ п'стити жены ваша. изначала же небысть тако** (ОБ) — *λ1γει α8το ~, %Οτι Μωσ~ пр4~ τ.:ν σκληροκαρδφαν -*

7μ_ν βπ1τρεψεν 7μ_ν #πολεσαι τ= γυνα_κα~ 7μ_ν | #π; #ρχ|~ δε (Σ, ϑ, ϛ) ο8 γ1γονεν ο"τω.
Также интересен союз **чиль** (*или*), польского происхождения (сравн. польск. *czyli* — то есть, иначе, или). Этот союз встречается, правда, в тексте реже, чем малороссийский союз **або** с тем же значением: **Рекъ ема• тыль**

еси идучии, чили иного ждемъ (Мат. 11:3) — ты ли еси гр-дны, или иного ч-емъ (ОБ) — ε |πεν α8τ|, Σς ε |f брχ3μενο, Π (или) ≤τερον προσδοκμев.

Подчинительные связи в Евангелии Тяпинского и Острожской Библии характеризуются наличием сложноподчиненных предложений с придаточными времени, места, условия, цели, причины, следствия, степени, образа действия, а также изъяснительных, определительных и сравнительных.

Придаточные времени в Евангелии Тяпинского присоединяются союзами малороссийского происхождения: ажь, гды, докаль, коли. В Острожской Библии, напротив, союзы имеют церковнославянское, книжное происхождение: дондеже, егда, или имеют наиболее общее временное значение: когда: Инепозналь ея ажь породила снѣка своего первородного инарек им ема исасъ (Мат. 1: 25) — инезнаше е, дондеже роди снѣка своего первенца (ОБ) — καθ ο8к бγφνωσκεν α8τ.: v, ≤ω~ (// ϑ) οα 'τεκε τ4ν υ<4ν α7τ|~ τ4ν πρωτ3τοков; шедши выыпта итесе певне одит-ти, а гды найдете, възвүститеми (Мат. 2:8) — егда же обр-жете, възвүстите ми (ОБ); ибежи доегипта и бадь там, докаль реку тобе (Мат. 2:13) — и б'ди тамо, дондеже рек' ти (ОБ) — καθ |σθι бке ≤ω~ (// ϑ) ϑν ε|πω σοι; И коли те виделисмо форого, або в темницы, ипришлисмо ктобе (Мат. 25:39) — когда же т- видүхомъ бол-ща, или втемницы, иприидохом; ктебү (ОБ) — π3те (/ (@™ϑ) δ1 σε ε|δομεν #σθεν|, Π бν φυλακ|, καθ Πλθομεν пр3~ се.

В придаточных места, условия и изъяснительных наблюдается четкое разделение: у Тяпинского — некнижные, малороссийские союзы, в Острожской Библии — книжные. Примеры придаточных места (где, куды — идүже, уд'же): аж пришедши стала надмесцомъ где было дит- (Мат. 2:9) — дондеже пришеД;ши ставрх идүже бү отроча (ОБ) — ≤ω~ блθ™v 'στη βπ=νω οα (@™Σ) ~v τ4 παιδφον (зде); жнешь где несеешь еси избираешь куды нерозсыпаль еси (Мат. 25:24) — вүд-ше яко жн' идүже несү-хъ, исьбираю уд'же нерасточихъ (ОБ) — θερφζων ♥που ο8к (@™Σ) Υσπειρα~, καθ συν=γων ♥θεν ο8 (зде) διεσκ3рлиσα~; придаточных изъяснительных (иж — яко): Тогда проды видечи иж аруган был шмадрецов, розгневале- велми (Мат. 2:16) — Тогда проД; видүвь яко пор'гань быГ; швльхвь (ОБ) — Т3те {Нр9δη~, >δ™v ♥τι (что) бνεπαφχθη 7π4 τ⊥ν μ=γων, бθυμ9θη λφαν; и придаточных условия (если — аще): А если око твое правое згоршаеть тебе, выйми его икйн себе (Мат. 5:29) — ащеже око твое десное съблажн-еть т, изми е, иверзи себе (ОБ) — ε> (если) δ2 f οφθαλμ3~ σου f δεξι4~ σκανδαλφζει σε, Υξειε α8τ4ν καθ β=λε #π4 σοε.

Предложения с придаточными цели единственные составляют исключение — и в Евангелии Тяпинского, и в Острожской Библии употребляются книжные союзы: бы, да. Например: А то все сталосе бы выполнилосе речүнное шпана чүрүз пророка мовечого (Мат. 1:22) — се же все бысть, да събадетс- реченое (ОБ) — Τοετο δ2 ♥λον γ1γονεν, |να (чтобы, да) πληρωθ| τ4 εηθ2ν.

Придаточные причины также характеризуются разделением союзов на книжные в Острожской Библии (бо, яко, понеже) и в большинстве случаев некнижные в Евангелии Тяпинского (ижь, поневажь): А нй головою своею прйсегаисе, ижь неможеш волоса одного белого або черного ачинити (Мат. 5:36) — ниже главою своею кленис, яко неможеши власа едіного бұла или черьна сътворити (ОБ) — ματε бν τ| κεφαλ| σου ομ3σν~, ♥τι (так как) ο8 δπνασαι μφαν τρφχα λευκ.: v Π μ1λαιναν ποι|σαι; Тогда призвавший его пань его, мовиль ема чел-днику злыи, весь долгъ оныи шпустиломъ тобе, поневажь апросилося ме (Мат. 18:32) — весь длгъ онъ шп'стихъ тебү, понеже умоли м-(ОБ) — πΰσαν τ.: v οφειλ.: v бкеφνην #ф|κ= σοι, бтеД (так как) παρεκ=λεσε~ ме; Еродит снѣка, инаречеш им- ема исГ;ь, тот бо збавиU люди свои шгрехов иа (Мат. 1:21) — инаречеши им-ема іск' тон бо спксетъ люди (ОБ) — καθ καλ1σει~ τ4 ♥νομα α8τοε |ησοεv α8τ4~ <| (убо, потому что) σ9σει τ4ν λα4ν.

В тексте Евангелия Тяпинского регулярно используется союз прото, имеющий, вероятно, чешское происхождение. Как указывается в Старославянском словаре [2], чешский союз proto со следственным значением *итак, потому, поэтому* является синонимом слова УБО. В тексте Тяпинского встречаются оба варианта, причем во многих контекстах трудно отличить союз от частицы. В современном чешском языке [3] союз proto имеет скорее причинное значение *поэтому, потому, благодаря этому, ввиду этого*, нежели следственное. Подобное значение причинности наблюдается и в Евангелии Тяпинского: тоетГ; вѣчотырехъ евангелійсов стГое евангеліе йс'Та хГ;а спйсаное вкоторыхъ йжь одно пйсмо е вангелское прото однымъ словом его назвали ЕВАНГЕЛИЕ (зачало); Неприподобаетс прото имь ведаеU бо шцКъ ваш чога потребуе впередь прошень- вашого (Мат. 6:8) — неподобитес убо иN; вүсть бо оцКъ ваш их же треб'ете (ОБ) — μ.: οου (в самом деле, действительно) fμιοωθ|τε α8το ~ο ο |δε γ+р f пат.: ρ 7μ⊥ν |ν χρεφαν Υχете.

В определительных придаточных в Евангелии Тяпинского употребляется союз котории, получивший свое распространение именно в этот период, в 16 веке [4, с. 220]. В тексте Острожской Библии видим только книжные, церковнославянские формы: иже, яже, юже, елика: стебе бо выидеть вожь, которин апасет люд мой израельскии (Мат. 2:6) — истебе бо изыдетГ вож;Дь, иже упасе;U люди мо (ОБ) — бк соε γ+р бξειεπσεται @γοσμενο~, ♥στι~ (который) ποιμανε τ4ν λα3ν μου; Всү прото которое кольвекъ рекуть вамъ хвати, заховывайте ичините (Мат. 23:3) — вс- убое елика аще рек'ть ваN; блости, съблюдаите итворите (ОБ) — π=ντα οοv ♥σα (которое) ϑν ε|πωσιν 7μ v τηρε v, τηρε τε καθ ποιε τε. В предложениях с придаточными определительными союзы часто заменяются союзными словами, выраженными указательными местоимениями (и, ъ, я) с предлогом: Яковъ пак сплодил иоси»а, мажа мариина, скоторое народилс исГ;ь называемыи хсКъ (Мат. 1:16) — мажа мрКийна, изнеаже родис- іск' (ОБ) — ῥνδρα Марφα, бξ ~ (которой) бγενν/θη |ησοε~.

Книжные формы союзов в обоих Евангелиях употребляются как в придаточных сравнительных: колько кротъ хотеломъ собрати дети твои, якъ собираетъ курица писклета свои под крила, инехотелисьте (Мат. 23:37) — коль краты всхотүхъ събрати ч-да тво, якоже собираетъ кокошь птенц- сво- подыкрилү (ОБ) — ποσ=κι~ @θ1λησα бπισυναγαγε v τ+ τκνα σου, ♥v τρ3πον (образом, способом) бπισυν=γει - ♥ρνι~ τ+ νοσσφα 5αυτ|~ 7π4 τ πτ1ρυγα; — так и в придаточных образа действия: А вставши иоси»

зосна•ачиниль -къ велел ема̑ ангель панскии (Мат. 1:24) — сътвори якоже повелѹ ема̑ агтКль гнКь (ОБ) — βποφησεν (≈ (как) προσταξεν αδτ | f ἤγγελο~ Κυρφου. Но если провести аналогию с современным украинским языком, где сохранилось употребление союза *як* в тех же значениях, можно предположить, что форма *ЯКЪ* уже в то время передавала звучание народной речи, и таким образом являлась разговорной огласовкой церковнославянского союза *яко*.

В придаточных степени Тяпинский использует малороссийский союз *ижь*, а в Острожской Библии употреблена соответствующая книжная форма *яко*: **наздоровиль на• Ижь тежь тижбы дивилисе• видечй немыхъ мовечи• аломных здоровыми, хромыхъ ходѹчими** (Мат. 15:31) — **інсѹли ихъ, якоже народомъ дивитис, вид-ще нѹмы-гЛКюща** (ОБ) — καθ̑ βθερ=λευσεν αδτωπ~• [στε (так что) τος~ ♣χλου~ θαυμ=σαι, βλ̑ιποντα~ κωφος~ λαλο̑ντα~.

Таким образом, проведя анализ средств синтаксических связей в Евангелии Тяпинского и Острожской Библии, можно еще раз подтвердить различие основ этих текстов — народной и книжной. Наличие в Евангелии Тяпинского большого количества разговорных, малороссийских, и заимствованных из других родственных славянских языков союзов свидетельствует прежде всего о том, что цель, преследуемая его создателем кардинально отличалась от той, которую ставил перед собой издатель Острожской Библии. В данном случае «проста мова» должна была стать средством донесения до народа сути Священного Писания. Скорее всего, разговорный субстрат «простой мовы» отразился также на грамматике и орфографии Евангелия Тяпинского.

Литература

1. Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. – Москва, 1993.
2. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М., 1999.
3. Velký česko-ruský slovník. Leda, 2005.
4. Стеценко А. Н. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV-XVI вв. – Томск, 1960.
5. Учебник древнегреческого языка / Под ред. М. Н. Славянской. – М., 1996. Ч.1.

Собчук Л. А.

КОНЦЕПТОСФЕРА КОЛЬОРОНАЗВ ЯК СКЛАДОВА НІМЕЦЬКОМОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

Мова як невід’ємна складова національної свідомості є засобом, за допомогою якого народ виражає особливі риси своєї ментальності. Кожна нація сприймає світ в своїй особливій, неповторній проекції і відповідно кожна мова по-своєму членує світ, тобто має свій спосіб концептуалізації. Під концептуальною картиною світу ми розуміємо сукупність знань, думок, уявлень про світ, які відображаються в людській діяльності. Концепти конструюють «наше знання про живі істоти та об’єкти», що складають «базову когнітивну сутність, яка дозволяє пов’язати зміст зі словом, яке ми вживаємо», і «з психологічної точки зору виконують функцію категоризації» [11, 242].

Дослідження в межах когнітивної лінгвістики вочевидь вказують на те, що концепт тісно пов’язаний з асоціативним простором імені і в ньому проявляється. Асоціативна організація зв’язків репрезентує одну із моделей збереження знань в пам’яті людини. Цю модель характеризують як певну форму семантичної сітки, яка існує в свідомості. Кожен вузол семантичної сітки в довготривалій пам’яті людини пов’язаний з інформацією, яка асоціативно пов’язана з ним активізується. Як наслідок, під час встановлення місця будь-якого поняття із довготривалої пам’яті одночасно зринають всі відомі факти, пов’язані з даним поняттям [6, 109].

Модель асоціативної сіткоподібної організації пам’яті полягає у тому, що семантична сітка є ієрархічною організацією асоціативно пов’язаних концептів [6, 112]. Кожна мовна одиниця містить сукупність потенційно можливих асоціацій. Які асоціації вибираються представниками тієї чи іншої національно-лінгво-культурної спільноти, залежить від національно-культурної специфіки. Національний концепт – найбільш узагальнена, максимально абстрагована ідея предмета, але яка конкретно репрезентується в (мовній) свідомості, яка піддається когнітивній обробці і постає в сукупності всіх валентних зв’язків, відзначених національно-культурною маркованістю.

Це стосується, зокрема, і кольороназв. Цей фрагмент лексики виявився привабливим для досліджень на виявлення національно-специфічних рис мовних моделей світу, оскільки «фізичному спектрові кольорів у різних мовах відповідають різні засоби членування цього спектру, мовного вираження окремих його фрагментів» [7, 15], а, отже, назви кольорів переконливо свідчать про відмінні засоби мовної концептуалізації світу.

Семантика колірних ознак надає мові своєрідності, асоціативних і конотативних властивостей. Мовні засоби, що слугують для вираження кольору, тобто хроматизми, формуються під впливом історичної епохи, рівня технічного й культурного розвитку, соціальних структур [8, 120]. У зв’язку з цим поняття кольору слід розглядати в межах культурного й просторово-часового контексту.

Метою статті є дослідити концептосферу кольороназв сучасної німецької мови, показати їх місце і роль у формуванні національно-мовної картини світу.

Дослідники стверджують, що колірні ознаки з’явилися у мові в діахронічній послідовності – спочатку білий і чорний кольори, за ними йде червоний, після нього – зелений і жовтий, далі – синій і коричневий [Б. Берлін, П. Кей, Е. Рош, Л. Новиков, Е. Міллер та ін.].

Основні кольори – білий і чорний. Це контрастні кольори, які домінують за частотністю вживання. Чорний та білий, за визначенням Л. Новикова, протиставляються в межах родового поняття «ахроматичний колір» [7, 21].

Прикметник „weiß“ позначає білий колір у німецькій мові і тлумачиться як колір снігу (schneeweiß) або колір цвітіння (blütenweiß). Це символ недоторканості, краси, ніжності, чистоти: „eine weiße Weste haben“ – мати бездоганну репутацію, „eine weiße Hemdbrust“ – бездоганне минуле. Білий колір має протилежну символіку: він знак порожнечі, безтілесності, мовчання, смерті: „der weiße Tod“ – смерть від замерзання.